

УДК: 930.2

МАСАНОВ М. Н.

ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы

Massanov M. N.

LLP "Archaeological Expertise", Almaty

madjer_inst@gmail.com

О ПРИЧИНАХ НАПРЯЖЕННОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО» ВОПРОСА В ПОЗДНЕМ СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

Советтик Казакстандын аягында “улуттук” көйгөйдүн
эволюциясындагы оорчулуктун себептери

The causes of tension: the evolution of “national” question in
the late soviet Kazakhstan

Аннотация: серьёзная межэтническая напряженность в центрально - азиатских республиках во второй половине 80-х гг. является результатом эволюции общей социальной, политической и экономической ситуации в стране и регионе. На основе ряда приведенных характеристик можно сделать вывод о довольно неэффективной системе советской внутренней политики по межэтническим отношениям. Данный факт ставит под сомнение общую эффективность не только советского менеджмента межэтнических отношений, но и всей национальной политики, опиравшейся на усиленное развитие «национального самосознания» среди ряда так называемых титульных национальных групп.

Аннотация: 80-жылдын экинчи жарым жылдыгынын жыйынтыгы боюнча Борбордук Азия республикаларынын улуттуу улут аралык тирешүүсү. Өлкөдөгү жана региондогу жалпы коомдук, саясий жана экономикалык кырдаалдын өнүгүшүнүн натыйжасы болуп саналат. Бир нече мүнөздөмөлөрдүн негизинде СССРдин саны саясатынын этностор аралык мамилер системасынын натыйжалуу эмес экендигин айтса болот Бул факт СССРдин улуттар аралык мамилелеринин башкаруусуна гана эмес, ошонун менен бирге бир катар “титулдун этникалык топторунун” күчөтүлгөн өнүгүүсүнө таянган улуттук саясатынын натыйжалуугу шек туудурду

Annotation: Serious ethnic tensions in the Central Asian republics in the second half of the 80s is the result of evolution of general social, political and economic situation in the country and the region. On the basis of the reduced number of characteristics it can be concluded fairly inefficient system of internal Soviet Ethnic Relations policy. This fact casts doubt on the overall effectiveness of not only the Soviet management of inter-ethnic relations, but also the entire national policy based on increased development of "national identity" among a number of so-called titular ethnic groups.

Ключевые слова: национальная политика; Советский Союз; Казахстан; межнациональная напряженность.

Негизи сөздөр: улуттук саясат; Советтер Союзу; Казакстан улуттар аралык; мамилелердин курчушу.

Keywords: national policy; Soviet Union; Kazakhstan; ethnic tensions.

Данная статья в значительной степени основывается на материалах работы в Архиве Президента РК (бывшего Архива ЦК КПК) [1], осуществлённой во время подготовки написания магистерской диссертации в университете Париж IV (Université Paris-Sorbonne) в 2011-2013 гг. по теме «Национальная политика в позднем советском Казахстане (1964-1991)».

Важно подчеркнуть, что ухудшение межэтнических отношений в СССР и его распад как государственного объединения являются параллельными, но отнюдь не напрямую связанными общественно-политическими процессами. Общая межэтническая напряжённость являлась скорее ещё одним аргументом в пользу мнения об общей неэффективности функционирования Советского Союза, но отнюдь не главным фактором, который вызвал его распад, как это считали многие авторы [2].

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. традиционно считается важнейшим моментом трансформации системы международных отношений конца XX в. и играет знаменательную роль в истории почти всех европейских государств. Не исключением является и Союз Советских Социалистических Республик, для которого падение стены может считаться своеобразной хронологической «точкой невозврата» в плане проекции коммунистической идеологии и своей военно-политической мощи на страны Западной и Центральной Европы [3]. В данном случае каждый из составных субъектов Советского Союза конца 1980-х гг. испытал на себе шоковый социально-политический и экономический эффект этой глобальной трансформации.

Однако хронология знаковых исторических событий и определяющих их факторов могут совпадать на территории различных регионов, в составе различных человеческих сообществ. В этой связи данная статья о причинах межэтнической напряжённости в центрально-азиатских республиках позднего периода существования СССР (1960-е – 1980-е гг.) ставит вопрос о том, насколько традиционная хронология ключевых социально-политических событий, определяющих, в том числе, и ход развития межэтнических отношений, принятая в большинстве стран Европы, может соответствовать или же не соответствовать аналогичной хронологии советских центрально-азиатских республик. Центральное место в статье занимает оценка

того, в какой степени ухудшение межэтнических отношений, характерное для Центральной Азии позднего советского периода, было результатом различных внутренних социальных, политических и экономических факторов или иных более глобальных процессов, таких, например, как разрушение Берлинской стены и 1989 г.

Ответ на данный вопрос можно разделить на следующие составные части. Прежде всего следует интерпретировать термин так называемой *советской национальной политики*, а также ее ключевой роли в процессе понимания интересующих нас межэтнических отношений на территории советской Центральной Азии. Далее на примере советского Казахстана попытаемся дать своё видение эволюции национального вопроса в сторону общего ухудшения межэтнических отношений на территории республики во второй половине существования советского государства. В конечной и заключительной части подробно остановимся на внутренней социально-политической ситуации в Казахской ССР в 1989 году с целью ответа на вопрос, является ли он ключевым годом для советского Казахстана в частности, и для всей советской Центральной Азии в целом.

Как было сказано ранее, национальная политика Советского Союза должна рассматриваться как фундаментальный и ключевой фактор формирования и трансформации межэтнических отношений между составными национальными группами населения. Она является своеобразным набором вариативных государственных инструментов по контролю и регулированию правового статуса представителей различных составных этнических групп или национальностей в составе СССР. При этом данный набор административных инструментов, в особенности во второй половине XX века, не был заранее лимитирован рамками определённой чёткой политической стратегии, полномочиями конкретного исполнительного органа власти или чёткими юридическими нормами.

Идеологическая основа для будущей национальной политики Советского Союза была заложена ещё в первые десятилетия XX века. В этот период наряду со своей основной целевой аудиторией – пролетарским рабочим классом, большевистская идеология всегда была вынуждена искать расположения представителей различных этнических меньшинств разваливающейся российской колониальной империи путём критики его классического сословного устройства, традиционно относящего последних к так называемым *иностранцам* [4].

После падения самодержавия количественная немногочисленность пролетарского класса, неудавшиеся попытки распространения революционного большевистского движения на страны Центральной Европы (Германия 1918 и 1919 гг., Венгрия 1919 г.) и Ближнего Востока (Иран 1920-1921 гг.), а также угроза физического развала страны в период иностранной интервенции и гражданской войны неуклонно укрепляли уверенность большевиков в том, что будущее советского государство зависит далеко не в последнюю очередь от его умения контролировать и использовать настроения многонационального состава своего населения.

На практике советская национальная политика имеет ряд отличительных характеристик, которые неуклонно сохранялись на протяжении всего периода существования СССР. Приведенный далее список данных характеристик отнюдь не является ультимативным и претендующим на универсальность. Однако каждая из них будет иметь определённое значения для следующих частей данной статьи.

Одной из основных характеристик интересующей нас советской национальной политики является перманентная зависимость каждого гражданина Советского Союза от его этнической (национальной) принадлежности или знаменитой *пятой графы* внутреннего паспорта. Национальная принадлежность в СССР оказывала прямое влияние на возможность изменения своего социального положения (насколько это было возможно в условиях советского социума), карьерного роста, а иногда и физического передвижения гражданина по территории собственной страны. Важно понимать, что граждане Советского Союза, возможно как представители никакого другого европейского социума в XX веке, уделяли особое внимание этнической принадлежности каждого индивида в своём окружении [5].

Другой важной характеристикой советского режима и его национальной политики являлась выборочная и тщательно контролируемая государством територизация отдельных этнических групп внутри одноименных административных регионов. Ключевым словом в данном случае является именно «выборочная». Получившие доступ к територизации определённые советские этнические группы объявлялись так называемыми *титულными нациями* на территории одноименных административных территориальных объединений разного уровня. Хорошо известно, что на практике титульная принадлежность в Советском Союзе не имела каких-либо официально закреплённых юридических преимуществ. Однако целый ряд широко

распространённых негласных практик давал иногда почти эксклюзивное право или запрет представителям титульных наций претендовать на определённые административные и управленческие посты на территории одноименных регионов.

С точки зрения реализации данной практики, с одной стороны процесс территориализации советских этнических групп являлся результатом серьёзного интеллектуального поиска с целью раздела территории огромной страны на наиболее адаптированные регионы, соответствующие их традиционным культурно-историческим ареалам проживания, если такая связь прослеживалась. С другой стороны, данный процесс носил достаточно явный дискриминационный характер, так как некоторые достаточно крупные этнические диаспоры вовсе не получили доступа к процессу территориализации, а другие потеряли свой титульный статус в ходе массированных переселенческих процессов 1930-1950-х гг., инициированных и контролируемых советским государством [6].

В результате строительства национальных территорий исторически многонациональный регион Центральной Азии был разделён на пять Советских Социалистических Республик, а также одну Советскую Социалистическую Автономную Республику. Представители всех остальных этнических групп, населявших регион, являлись либо представителями национальных групп за пределами региона, либо вовсе не имели своей титульной административной территории.

Третьей важной характеристикой советской национальной политики можно считать ее многовекторность. Иначе говоря, она включала в себя широкий круг вопросов внешней и внутренней политики советского государства, которые напрямую зависели от ее прочих формообразующих характеристик, некоторые из которых были описаны выше. Важно отметить еще тот факт, что советская национальная политика являлась сложным и многофункциональным механизмом по ежедневному регулированию широкого круга социальных, политических и экономических отношений между отдельным индивидом, окружающим его обществом и стоящим над ним государством и его идеологией.

Ухудшение состояния межэтнических отношений по факту отнюдь не является очевидной тенденцией на протяжении всей второй половины существования Советского Союза, которую условно можно

отсчитывать с момента воцарения во главе государства Л.И. Брежнева в 1964 г.

Более того, период, часто именуемый эпохой брежневского «застоя», часто характеризуется достаточно спокойной внутренней социально-политической ситуацией в стране. В то время как начало межэтнической нестабильности увязывается многими исследователями в первую очередь с приходом на пост генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, а также со стартом серии крупных перестроечных реформ. Также именно в период с 1986 по 1989 гг. сразу в нескольких крупных городах центрально - азиатских республик Союза произошел целый ряд конфликтов, ознаменовавших начало эпохи продолжительной межэтнической напряженности.

Эволюция межэтнических отношений в 1960–1980-х гг. в КазССР показывает свое принципиальное отличие от аналогичных процессов постреволюционного периода и годов нахождения у власти И.В. Сталина. На основе исследования библиографических и архивных материалов можно выделить ряд следующих характеристик советской национальной политики, которые стали фундаментом для последующего развития межнациональной напряженности во всем регионе.

В первую очередь речь идет о многочисленных этнических меньшинствах на территории республики, часть из которых принадлежала к ранее репрессированным и депортированным на территорию Казахстана национальным группам. К данной национальной категории советские органы, ответственные за национальную политику, относились с наибольшим подозрением, очевидно расценивая их как потенциально наиболее серьезную угрозу для межэтнической стабильности в республике и регионе в целом. Именно в отношении этих национальных групп велась основная архивно-задокументированная идеологическая работа советских государственных органов пропаганды и агитации.

Хорошим примером в данном контексте является антирелигиозная пропаганда, так, например, протестантская религиозная принадлежность большинства советских немцев часто расценивалась соответствующими административными органами как «сектантство», что делало отношение этих органов к ним гораздо более придирчивым, нежели чем к представителям других крупных религиозных течений. В случае советского Казахстана особо важен статус немецкого населения республики, третьей группы по

численности населения, намного опережавшей все прочие этнические меньшинства, а также имеющей автономистские настроения и альтернативное желание «воссоединения с исторической родиной». Наличие такого большого числа людей, принадлежащих к национальности, считавшейся опасной с точки зрения национальной политики, во многом объясняет несравненно большее количество архивных документов, касающихся немцев по сравнению с остальными советскими национальностями на территории Казахстана.

Вторым важным фактором данного анализа является примерное демографическое равенство двух доминирующих национальных групп республики, сложившееся именно в эпоху правления Л.И. Брежнева. Во второй половине эпохи Советского Союза все титульные национальности центрально-азиатских республик переживали крупный демографический бум [7]. В случае Казахстана, данный бум позволил казахам сначала достигнуть уровня населения, равного периоду, предшествовавшему седентаризации 1931-1933 гг. [8], и примерно сравняться по числу с русскими на территории республики. И если сам по себе факт примерного казахско-русского количественного равенства не является основанием для нарастания межэтнической напряженности, то он однозначно будет важен для нас в дальнейшем.

Третьим фактором является появление и развитие внутри-элитной напряженности между так называемыми «центром» и «периферией» в середине 1980-х гг., феномене, ранее наблюдавшимся в сталинскую эпоху [9]. В случае позднего периода истории СССР речь идёт о напряжённости, связанной с кардинальным изменением принципа формирования верхушки партийного аппарата в руководстве советских центрально-азиатских республик. Хорошо известным является брежневский принцип «доверия к национальным кадрам» во главе республиканских партийных ячеек [10]. Эти локальные политические лидеры находились в хороших личных отношениях с Леонидом Ильичем и успели за этот период сформировать широкую сеть своих ставленников и политических клиентов на всех постах местной партийной организации. В КазССР таким доверенным лицом главы советского государства являлся Д.А. Кунаев, повторно получивший пост Первого секретаря республиканского Центрального Комитета коммунистической партии в тот же 1964 год, что и Брежнев, и занимавший свой пост до 1986 г.

Другим важным фактом остается то, что при Брежневе эти локальные лидеры активно способствовали созданию новой местной

элитной прослойки партийных функционеров. В последние годы целый ряд исследователей выдвигают гипотезу о так называемой *периоде второй «коренизации»*, описывая процесс активного политического «промоушена» административных кадров титульных национальностей в советских республиках региона [11]. Первоначальный и намного более известный процесс «коренизации» 1920-1930-х гг., был полноценной политической кампанией государства по сглаживанию противоречий между русским и нерусским населением СССР. В брежневский период речь шла скорее о негласной, но широко применяемой, практике выдвижения и поддержки кадров титульной национальности, благодаря клиентурным связям, установившимся в результате длительного патронажа структуры республиканской партийной организации одним местным руководителем.

Функционировавшая и ранее система активного политического лоббирования кадров титульной национальности [12] была адаптирована к эпохе брежневского застоя и видения Генсеком принципов формирования партийной номенклатуры союзных республик. С приходом во власть данную систему попытался изменить М.С. Горбачев, стремившийся в первую очередь ослабить позиции политических долгожителей во главе республиканских партийных организаций, а также создать собственную сеть своих доверенных лиц на местах. Последовавшая далее, в 1986 г., смена местного коммунистического лидера в Казахстане, в декабре того же года повлекла за собой первый в регионе с начала правления Л.И. Брежнева крупный и хорошо известный социальный конфликт (часто именуемый Желтоксан). За ним последовал длительный период межэтнической напряжённости, продолжавшийся и после обретения страной независимости в 1991 г. [13].

Отталкиваясь от вышеприведённых характеристик национальной политики Советского Союза на территории современного Казахстана, можно сделать вывод о довольно неэффективной системе менеджмента и работы по недопущению потенциальных межэтнических конфликтов и напряжённостей. Важнейшей деталью как событий Желтоксана, так и последовавшей далее череды крупных межэтнических конфликтов на территории советской Центральной Азии является активное участие титульной территоризированной этнической группы в качестве одной из активных сторон конфликта (Новый Узень, Баткен, Фергана 1989 г. и т.д.). Более того, в каждом из этих конфликтов часть представителей титульной

национальности открыто демонстрировала свою ущемленность по отдельным составляющим официально проводимой национальной политики СССР.

В случае советского Казахстана это означает, что в то время, когда партийные функционеры в данной области опасались, прежде всего, конфликтного потенциала нетерриторизированных «национальных меньшинств», в первую очередь немцев, основным источником нарастания общей межэтнической напряженности в республике стали русско-казахские отношения. Данный факт ставит под сомнение эффективность не только общего советского контроля над развитием межэтнических отношений внутри страны, но и всей национальной политики, опиравшейся на усиленное развитие «национального самосознания» среди ряда так называемых титульных национальных групп и подавления аналогичных чувств среди бывших депортированных в республику этнических групп населения [14].

Таким образом, ход развития национальной политики Советского Союза в 1980-х гг. должен изучаться как сложный процесс кардинального изменения приоритетов внутреннего социально-политического курса страны, положивший начало периоду межэтнической напряженности, отмеченного сразу несколькими крупными этническими и социальными конфликтами. Также важно подчеркнуть, что данный процесс не может рассматриваться отдельно от периода нахождения у власти в СССР Л.И. Брежнева и его системы отношений с местными политическими лидерами, контролировавшими партийные ячейки на местах внутри республик Центральной Азии.

Этот вывод сам по себе может поставить под вопрос тезис о ключевой роли 1989 года и падения Берлинской стены для развития национального движения в советских центрально-азиатских республиках. Однако данная статья ни в коей мере не ставит перед собой задачу принизить ту символическую роль, которую имеет 1989 год и падение Берлинской стены для истории всего человечества в XX веке, и советской Центральной Азии в частности.

В то же время важно подчеркнуть, что хронология знаковых событий нашей истории является лишь отчасти универсальной. В этой связи главным выводом данной статьи следует считать необходимость определения отдельной центрально-азиатской хронологии эволюции национальных идентичностей и наиболее знаковых и поворотных моментов данного, в значительной степени малоизученного, исторического процесса. Главным выводом данной статьи следует считать идею о том, что события 1989 года в Центральной Азии являются следствием длительного внутреннего социально-политического процесса (1964-1989 гг.), который нельзя рассматривать отдельно от них.

Литература

1. Архив Президента Республики Казахстан, Фонд № 708 «ЦК Компартии Казахстана».
2. Beessingerr M.R. Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet State: a tidal approach to study of nationalism, Cambridge: Cambridge University Press. 2002; Buttino (dir.), Collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalisms in the Soviet Union, Milan: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli. 1993 ; Саггире d'Encauss H. The End of Soviet Empire – The triumph of Nations, New York : New Republic. 1993.
3. Soutou G.-H. La guerre de cinquante ans. Les relations Est-Ouest 1943-1990. Paris: Fayard, 2001.
4. Slocum J.W. Who, and When, Were the Inorodtsy ? The Evolution of the Category of the "Aliens" in Imperial Russia, Russian Review, Vol. 57, No. 2 (Apr., 1998), p. 173-190 ; Dynamiques sociales et classifications juridiques dans l'Empire russe, du XVIIIe siècle a la révolution de 1917, Cahiers du monde russe 2010/2-3 (Vol. 51).
5. SUNY R.G. The contradictions of identity: being Soviet and national in the URSS and after. In BASSIN M., KELLY C. (dir.), Soviet and Post-soviet identities, Cambridge University Pres, 2012, p. 17-36.
6. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, Slavic Review, Vol. 53, No. 2, 1994, p. 414-452.
7. Алексеенко А., Население Казахстана, 1920-1990. Алматы. 1993; Зимовина Е.П. Основные этапы формирования диаспоральной структуры Казахатсна и Центральной Азии. Demoscope.ru; Котов И. Народы союзных республик СССР. 60-80-е гг. Этнодемографические процессы. Москва, Институт российской истории. 2011.
8. Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И., Алексеенко А., Баратова Г. История Казахстана, народы и культуры. Алматы: Daik-Press. 2001; Население СССР, статистический сборник. Москва: Финансы и статистика.
9. Хлевнюк О. Система центр-регионы в 1930-1950. EHESS, Cahiers du monde russe, 2003/2-3, Vol. 44, p. 253-268.
10. Gorlizki Y. Too Much Trust: Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brejnev, Slavic Review, Vol. 69, No. 3, 2010, pp. 697-700.
11. Chida T. "Nationalizing" the Soviet Republics: Centrifugal Tendancy of the Republican Politics in Soviet Central Asia during the Brezhnev Era. Материалы конференции Кавказ и Центральная Азия спустя двадцать лет. Алматы, 25-27 августа 2011.
12. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca: Cornell University Press. 2001.
13. Barmasov V. Kazakhstan: How Long Can Ethnic Harmony Last? // Abatov A., Chayes A., Handler Chayes A., Olson N L. (dir.) Managing Conflict in the Former Soviet Union, Russian and American Perspectives. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997, Chapter 11, P. 273-332.
14. Shiro H. Nationalities Policy in the Brejnev Era: The Case of Deported Nations. In: UYAMA T. (dir.) Empire, Islam and Politics in Central Eurasia, Hokkaido, Slavic Research Center, 2007, p. 221-246.

